

ЭМИССАР НАПОЛЕОНА — ТУРНАЛЬ

О. Маркова

13 апреля 1815 г. на русском корабле «Св. Николай» в Одесский порт прибыл французский подданный Николай-Август Турналь. У прибывшего был паспорт, выданный французским генеральным консулом в Ливорно. Вместе с прочими пассажирами Турналь был направлен в карантин.

Вскоре на имя Турналя пришла корреспонденция из Константинополя. При распечатывании для окуривания¹, в одном из писем, именно в письме Карла Папоригопуло, был обнаружен портрет Наполеона. Автор письма оказался родственником Папоригопуло, высланного из Одессы в 1812 г. за «вздорные о военных происшествиях вести». Портрет Наполеона и письмо от Папоригопуло явились достаточным поводом для продолжения Турналю, по распоряжению коменданта Одессы генерал-майора Кобле, срока карантина. По приказу Кобле, секретно были просмотрены все вещи и бумаги Турналя, и с полной очевидностью было установлено, что прибывший пассажир — агент Наполеона, имеющий связи с огромным количеством лиц в разных городах Италии, а также в Австрии, в Константинополе и Одессе.

Бумаги Турналя были спешно направлены министру полиции в Петербург вместе с донесением Кобле и с запросом инструкции для дальнейших мероприятий в отношении Турналя. (Кобле заменил в это время герцога Ришелье, в сентябре 1814 г. отбывшего на конгресс в Вену.)

Петербург был уже информирован о Турнале: управление делами министерства иностранных дел направило министру полиции копию депеши из Константинополя от русского посла Итальянского. В депеше говорилось, что туда прибыл француз Турналь, б. комиссар полиции и интендант в Иллирии, что он намерен ехать в Одессу. «Убедясь в крайней подозрительности сего человека», министр полиции (А. Д. Балашов) немедленно отправил в Одессу «благонадёжного полицейского офицера» с повелением привезти Турналя в Петербург за строгим караулом «для личного допроса». Сообщая об этом Александру I², Балашов даёт характеристику обнаруженных у Турналя бумаг. Из этой характеристики видно, что особенное неодобрение министра вызвало составленное «с

великой трудностью» из множества разбросанных клочков черновое письмо Турналя³. Это письмо, говорит Балашов, свидетельствует «о духе, который должны распространять эmissары революционного чудовища».

Между тем служебное рвение Кобле приводит к новым открытиям. В крышке сундука Турналя была обнаружена медная гравированная доска с портретом Наполеона. Эта доска и отпечаток с неё были также препровождены в Петербург при новом донесении Кобле. В начале июня эmissар «революционного чудовища» был привезён в Петербург и посажен в Петропавловскую крепость. 21 июня министр полиции представил Александру I новую докладную записку⁴ с копиями двух допросов и с некоторыми подлинными бумагами Турналя, находившегося в Алексеевском рavelине.

«Собственные показания Турналя, — говорит министр, — дают совершенное понятие о сем человеке и делают излишним каждое на счёт него примечание».

Турналь — французский подданный, он признаёт власть Людовика XVIII, хотя, по его заявлению, и не имел случая принести присягу. Ему 45 лет, он сын адвоката, родился в Париже, по образованию юрист, до 1809 г. жил в Париже, работал по своей специальности. Там же живут его жена и двое детей, о которых он ничего не знает.

В 1809 г. Турналь прибыл в Вену, где находился Наполеон, и некоторое время состоял при Генеральном штабе. В конце того же года он получил назначение комиссаром полиции в Триест (главный порт Иллирийского королевства). Но по прибытии на место назначения 21 января 1810 г. Турналь узнал, что маршал Мармон, генерал-губернатор Иллирии, по согласованию с вице-королём Евгением, предоставил место комиссара другому лицу. И только через 6 месяцев Турналь получил назначение и отправился комиссаром полиции в Горницу (Горц), округ, пограничный с Италией. Здесь через некоторое время он был перемещён на должность генерального секретаря округа и совмещал затем этот пост с обязанностями интенданта (губернатора). Далее, в течение 3 месяцев Турналь исполнял обязанности временного помощника интенданта⁵ (sous-délégué). По прибытии постоянного sous-délégué Турналь вновь оказался освобождённым от своих обязанностей и напра-

¹ Обязательный способ дезинфицирования со времени страшной чумной эпидемии, свирепствовавшей в Одессе в 1812 году.

² Всеподданнейшая записка от 19 мая 1815 г. в деле № 565 «О прибывшем в Россию французском эmissаре Николае-Августе Турнале, отправленном для заключения в Соловецкий монастырь». Начата 19 мая 1815 г., закончилась 11 марта 1826 г., на 86 листах, лл. 1—2. Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА). Фонд Военно-учёного комитета (ВУА).

³ Там же, лл. 3—13. «Lettre d'un Parisien à son ami Azan, gouverneur des fidèles du Grand Seigneur». (Письмо Парижанина к другу Азану, правителю верноподданных султана). В деле хранится только копия письма, снятая по распоряжению Балашова.

⁴ Там же, л. 22.

⁵ По «Органическому декрету» Наполеона 15 апреля 1811 г., интенданты были заменены в некоторых округах помощниками.

вился в Лайбах (Любляну), столицу Иллирии. На этот раз он ожидал назначения весь 1812 год. Новое назначение — на весьма ответственное место комиссара высшей политической полиции в Каринтии — последовало лишь в начале 1813 года.

В ожидании назначения Турналь написал и издал в Лайбахе книгу для иллирийской молодёжи: «Recueil des regles de droit et des préceptes de morale» («Сборник правовых норм и предписаний морали»). Ещё раньше, в 1810 г., здесь же он напечатал книгу «Le portrait des anglais», о чём мы узнаём из его ответа на допросе.

Через несколько месяцев после назначения Турналя в Каринтию началась новая франко-австрийская война (август 1813 г.). Вице-король Евгений обосновался со своим штабом в Виллахе (главный город Каринтии). Турналь по обязанности комиссара давал ему ежедневные отчёты. После окончательного вытеснения французов из Иллирийских провинций (декабрь 1813 г.) вице-король назначил Турналя комиссаром своей армии. Эти обязанности Турналь исполнял, по его словам, до 28 апреля 1814 г., когда Богарне со своей семьёй уехал в Баварию. Турналь сопровождал его до Верроны, а затем направился в занятый австрийцами Милан.

Таковы биографические данные, относящиеся к деятельности Турналя в Иллирии, сообщённые им на допросе.

Иллирийские провинции (Les Provinces Illyriennes), созданные волею Наполеона и утверждённые за Францией по Шенбрунскому, или Венскому, мирному договору (14 октября 1809 г.), состояли, как известно, из славянских областей: Краины, Каринтии (Верхней), Истрии (австрийской и итальянской), обеих Кроаций (гражданской и военной), Горичи (Гёрца), Далмации, Рагузы (Дубровника). Эти славянские владения Наполеона, по словам автора новейшего исследования по истории Иллирии⁶, одно из самых забытых в мировой литературе завоеваний Наполеона. Тем не менее имя Турналя мы встретили и в труде названного автора (библиотекаря государственной библиотеки в Люблянах) и в старом труде А. Димитца (секретаря Исторического общества Краины⁷), на страницах, посвящённых деятельности наполеоновской администрации. Следовательно, Турналь — не incognito, это — подлинное историческое лицо. Служба Турналя в Гориче и в Каринтии, написание им книги для молодёжи подтверждаются вышеупомянутыми авторами.

Чтобы оценить важность назначения Турналя в Иллирию, нужно принять во внимание ту особую роль, которую Наполеон отводил Иллирии в планах борьбы с Англией при проведении в жизнь континентальной

системы. Через Иллирийские провинции был организован транзит на Восток, откуда шёл левантский хлопок для французской промышленности. Благодаря созданию Иллирии порты Адриатического моря попали в зону французского контроля. Иллирия сближала наполеоновскую Францию с Балканами.

Организация управления Иллирийскими провинциями была поэтому делом первостепенной важности. Наполеон поручил её своему другу, талантливому организатору, герцогу Рагузскому, маршалу Мармону. В течение пятилетнего французского управления в Иллирии произошли большие перемены: из Франции сюда были вызваны лучшие специалисты и большие культурные силы; несмотря на крайне затруднительное финансовое положение, здесь строились мосты, дороги, проводились реформы во всех областях народнохозяйственной жизни. Знаменитая финансовая реформа установила твёрдый денежный курс. Кодекс Наполеона сохранился памятником французскому управлению и в дальнейшем. Значительные сдвиги произошли в области культуры и просвещения: в начальных школах было введено обучение на родном, словенском или кроатском, языке, вместо немецкого. Местные деятели из славян стали привлекаться к делу народного образования, к созданию учебников на родном языке.

Однако следует отметить, что не славянские симпатии, а трезвый политический расчёт руководил французскими реформаторами. Национальное возрождение славян мало интересовало Наполеона. История его сношений с сербами достаточно ярко характеризует отношение Наполеона к славянам: сербы были мятежными подданными султана. Сербский депутат от сената и Кара-Георгия, прибывший к Наполеону в конце 1809 г. с просьбой о протекторате, четыре года ждал ответа — и дождался отпечения Наполеона⁸.

Организационные успехи французских победителей были достигнуты за счёт тяжёлого материального и морального угнетения побеждённых. Реформы проводились без какого-либо учёта местных особенностей; исключение, по просьбе Мармона, было допущено только для военной Кроации. Французский язык стал обязательным языком администрации и суда, начиная с самой низшей, сельской инстанции. Содержание администрации и войск являлось всецело обязанностью населения. Кроме того при завоевании Иллирии на неё была наложена огромная контрибуция⁹. Такая же контрибуция в доказательство преданности населения Наполеону, как гласило правительственное распоряжение, была наложена и в конце французского правления, при возникновении франко-австрийской войны.

Всё это привело к крайне напряжённому политическому и экономическому положению в Иллирии, особенно в начале и в конце

⁶ Pivéc-Stelé, Melitta. La vie économique des Provinces Illyriennes, 1809—1813. Paris. 1930.

⁷ Dimitz A. «Geschichte Krains von der ältesten Zeit bis auf das Jahr 1813. T. 4. Laibach. 1876. Другие авторы, трудами которых мы пользовались, имя Турналя не упоминали.

⁸ Woppe A. «Documents inédits sur les relations de la Serbie avec Napoléon (en 1809—1814). Belgrade. 1888.

⁹ На Крайну было наложено 15 260 000 франков.

французской оккупации — в периоды развития партизанского движения. Уничтожение морской торговли расстроило экономику, обострилась классовая борьба, естественная враждебность к оккупантам разжигалась многочисленной австро-английской, а также и русской агентурой. Естественно, что при таком положении вещей особенно велика была роль полиции. «Органическим декретом» 15 апреля 1811 г. была создана высшая политическая полиция, наделённая чрезвычайными полномочиями. Ей было поручено наблюдение не только за отдельными гражданами, но и за администрацией и судом, за общим положением в стране, ей же подчинялась обычная полиция. Одним из представителей такой власти и был Турналь.

В 1812 г., как было упомянуто, Турналь издал книгу для молодёжи. Сведения об этой книге сохранились в местной печати. Так, она вызвала критический отзыв со стороны известного французского романтика Шарля Нодье на страницах редактировавшейся им и издававшейся в Лайбахе газеты «*Télégraph officiel*» (№ 23 от 21 мая 1813 г.). Нодье выражал своё удивление и сожаление по поводу того, что в таком богатом собрании изречений моралистов и философов, какое составлено экс-комиссаром полиции Турналем, он не нашёл ни одного изречений из евангелия¹⁹. Сведений о другой, изданной Турналем в 1810 г. книге, «*Le portrait des anglais*», найти не удалось.

Итак, сообщённые Турналем на допросе факты о его деятельности в Иллирии совпадают с тем, что мы нашли о нём в литературе. Проследим его дальнейший путь. Мы остановились на том, что Турналь направился в Милан.

Как решился Турналь на такой смелый шаг, как появление в занятом австрийцами Милане? Объяснение находим в «дружественных» связях Турналя с австрийцами. С помощью Турналя австрийское командование предпринимало шаги к привлечению Евгения Богарне на сторону союзников. Об этом свидетельствуют сохранившиеся 16 писем²¹ из переписки Турналя с бароном Вельденем, начальником главной квартиры фельдмаршала Бельгарда. «Принц не следует Валлий советам...». «Он в этом раскается», — пишет Вельден Турналю в письме от 13 апреля (1814 г.).

Как известно, Евгений Богарне не последовал примеру других сподвижников Наполеона и остался верен девизу своей жизни «*L'honneur et fidélité*». В другом, более раннем письме Вельден благодарит Турналя за сведения об армии вице-короля и просит да-

вать такие сообщения возможно чаще²². Черновики этих сообщений написаны или выправлены рукой принца Евгения (I). Мало того: из материалов допроса видно, что, покидая Италию, бывший вице-король поручил Турналю доставлять ему сведения о передвижениях и положении австрийских войск. Граф Фикельмонт, начальник австрийского генерального штаба, предлагал Турналю работу при штабе; Турналь приглашался и к фельдмаршалу Бельгарду.

Кредит Турналя у австрийцев оказался всё же недостаточно прочным. По отъезде принца Евгения, по словам Турналя, он остался без службы. На присказки новой службы у него ушёл, повидимому, весь 1814 г., причём Турналь проявил в этих поисках исключительную подвижность.

С середины августа по начало ноября 1814 г. Турналь жил на о. Эльба. Он отрицает, что встречался с Наполеоном, утверждая, что якобы с трудом добился свидания с гофмаршалом Бертраном (ближайшее к Наполеону лицо); большее внимание ему оказал губернатор Эльбы Дроу. С помощью этих лиц Турналь будто бы надеялся получить задержанное ему за несколько месяцев жалованье по службе в Иллирии. Однако совершенно ясно, что не вопросы заработной платы, выражаясь языком современности, а дела более серьёзного, не личного характера побуждали Турналя к поездкам на Эльбу.

После посещения Эльбы Турналь переезжал из города в город: жил в Ливорно, Флоренции, Генуе, Пизе. В его записках, относящихся к этому периоду, встречаются имена огромного количества лиц, проживавших в упомянутых городах, а также в Милане, Мантуе, Верроне и др. Среди них военные, адвокаты, врачи, помещики, купцы. Иногда упоминаемые имена сопровождалась отметками о приверженности данного лица к Наполеону или, наоборот, о его враждебности. Ясно, что «безразличия» Турналя на самом деле характеризуется лихорадочной деятельностью по установлению связей. Чаще всего и дольше всего Турналь бывал, однако, в Ливорно, главном порте Тосканы, центральном пункте международной, в том числе и английской, агентуры, возглавлявшейся полковником Кемпбелом и наблюдавшей за о. Эльба.

В Константинополе, по дороге в Одессу, куда Турналь выехал из Генуи 6 или 7 марта 1815 г., он встречался с Руффеном, поверенным во французских делах, заменявшим в это время французского посла в Константинополе, и рядом других лиц, известных, как и Руффен, своей приверженностью к Наполеону. Среди взятых Турналем на заметку лиц встречаются и лица, имевшие связи с Одессой, и сами жители Одессы и Таганрога — французы, греки и двое русских. Турналь имел также знакомства и в русских посольствах в Вене и Константинополе. На

¹⁹ A. Dimitz. Op. cit. T. IV, S. 355. Автор приводит выдержку из статьи Нодье. (Напоминаем, что в 1824 г. Нодье собирался в Россию, но не был пропущен правительством Александра I.)

Димитц и Пивек-Стеле (Pivec-Steel) дают полное название книги Турналя: «*Recueil des règles de droit et des préceptes de morale a l'usage de la jeunesse des Provinces Illyriennes*». Laibach, 1812.

²¹ По сведениям протокола дознания, их было больше.

²² Барон Людвиг Вельден является автором труда об Итальянской кампании 1813—1814 гг.: «*Der Krieg der Oesterreicher in Italien gegen die Franzosen in den Jahren 1813 und 1814*», Graz, 1853.

допросе выяснилось, что он привёз с собой в Константинополь несколько сот портретов Бонапарта. По словам Турналя, у него не было намерения распространять эти портреты в России, поэтому он оставил их в Константинополе. Тогда Турналю предъявили медную правировальную доску, и допросы на этом закончились¹³.

Представление о характере и размерах деятельности Турналя создаётся на основании двух протоколов дознания¹⁴, копии которых имеются в деле, отрывков рукописи «Lettre d'un Parisien», разрозненных заметок, переписки с Вельденом и некоторых других документов. Письмо имеет черновой, незаконченный характер. Помимо того, что сам автор не закончил письма, коменданту Кобле не удалось подобрать все клочки, на которые оно было разорвано при попытке его уничтожить.

Как мы видели, весь 1814—начало 1815 г., до отъезда в Россию, Турналь действовал в Италии. Здесь у него были огромная агентура и связи чуть ли не во всех городах Италии. Что представляла собой Италия в этот переходный момент, достаточно известно. «Les têtes en Italie sont volcanique et très-montés, surtout dans l'armée italienne», — писал фельдмаршал Бельгард Меттерниху через два дня после отречения вице-короля¹⁵. Идея национального объединения и суверенности, идея Royaume d'Italie, пустившая здесь особенно глубокие корни, владела всеми умами. Разъезжали только пути, по которым устремлялись к этой цели.

Возбуждение усилилось после того, как Италию заняли австрийцы вслед за ушедшими французами. Шансы на успех французской пропаганды увеличились. Летом 1814 г. австрийскими властями был раскрыт так называемый Брешиа-миланский военный заговор, имевший целью изгнание новых оккупантов из Италии. Можно ли сомне-

ваться в том, что Турналь имел непосредственное отношение к этому заговору? Он избежал репрессий, но связи его с австрийскими властями, как это вытекает из дальнейшего, расстроились. На допросе у Турналя дважды спросили, по каким делам он вызывался в австрийскую правительственную комиссию в Милане (очевидно, имеется в виду комиссия по делу о заговоре — форма приглашения была весьма невежливой). «Это юридический стиль», — отвечал Турналь; его приглашали якобы в качестве свидетеля по делу одного из агентов.

Интересно отметить, что в одном из прогрессивных русских журналов появились яркие сообщения о положении в Италии после первого отречения Наполеона, имеющие как бы прямое отношение к Турналю. Вот что писали в этом журнале: «От истоков рек По и Минто до реки Тибра и жерл Везувия и Этны находится Италия в смутном, беспорядочном и некоторым образом в хаотическом состоянии». Французское военное господство низвергнуто, но существуют «недозволенные связи» с «низвергнутым самозванцем...». «Нет сомнения, что он в Италии, особливо между армией, в которой многие обязаны ему почестями, отличиями и богатствами, имеет ещё значительное число приверженцев. Они электризованы были с острова Эльбы, откуда подсылный Бонапарт, будто бы брат верного его гофмаршала или дворцового префекта Бертрана, инкогнито прибыл в Милан и завёл тайные скопища с недозволенными...». «Сей. умысел, имевший гнездо своё в Милане, весьма далеко пустил корни свои» и имел сообщников в других итальянских городах. Заговор в Милане был открыт, многие были взяты под стражу...». «Между тем подсылный шпион Бонапарт ускользнул от поисков...»¹⁶.

В написанном Турналем «Письме Парижаника» проявлен исключительный интерес к положению в Италии как к делу, общему с делом освобождения Франции от гнёта тиранов. Автор предсказывает близость этого освобождения и объединения Италии: «Существуют ещё во Франции и Италии люди, которые считают честью называть себя детьми своего отечества, — сердца, горящие любовью к этому отечеству; их не удерживает боязнь жертвовать ему своей жизнью; все сердца, которые не сжаты и не заморожены страхом, не принижены нищетой. Они дро-

¹³ Гравюра — портрет Наполеона, находящийся в деле Турналя, является отпечатком с этой доски и представляет собой медальон, около 5 сантиметров в поперечнике, с ободком, внутри которого, по кругу, надписи латыни: «Napoleon imperator. Semper magnus. Ubique felix. Et totus illabitur orbis. impravidum ferient guinae». Последняя фраза заимствована из известной оды Горация «К цезарю Августу».

¹⁴ В архивном деле, которое использовано для настоящей статьи, имеется только часть материалов, привлечённых к дознанию о Турнале, — материалы, представленные при рапорте Балашова Александру I. В деле совершенно отсутствуют, например, документы, относящиеся к деятельности Турналя среди славян Иллирийских провинций. Где, например, письмо о книге «Portrait des anglais» и самая книга? В деле имеется большой список имён, извлечённых из бумаг Турналя, но самих бумаг нет. Где также донесения Кобле и Италинского? Где оригиналы протоколов и рукописи Турналя?

¹⁵ Véron, 26 avril 1814. Weil M. «Le prince Eugène et Murat 1813—1814, opérations militaires, négociations diplomatiques». T. V, p. 153. Paris. 1902.

¹⁶ Статья «Состояние Италии в первых месяцах 1815 года» в журнале «Исторический, статистический и географический журнал или современная история света», 1815 г., май, стр. 121—129.

Журнал выходил в Москве в 1790 г., организатор — известный И. И. Мелиссино, куратор Московского университета и основатель Благородного при нём пансиона. Журнал первоначально являлся переводом «Политического журнала», выходившего в Гамбурге. В 1809 г., по требованию властей, слово «политика» из названия было устранено, и журнал стал выходить под названием, приведённым выше. В нём сотрудничали научные силы Москвы.

жат, наоборот, от гнева, стыда и отчаяния. Выйдя внезапно из своего долгого сна, они пробудятся как никогда сильными, великими, энергичными, и новое пробуждение народа будет смертным приговором для разбойников и убийц их отечества...» «Все сердца уже согласны. Ещё немного и в обе руки соединятся. Они поднимутся сразу со всех сторон как во Франции, так и в Италии»¹⁷. Небольше напрашивается вопрос: не этот ли самый «подсылный Богартов», столь неутомимый, направился через Константинополь в Одессу?

Однако на что рассчитывал эmissар Наполеона, направляясь в Россию?

Надо полагать, что предприятие Турналя не было его единоличным шагом. В связи с раздорами союзников на Венском конгрессе Наполеон рассчитывал на изменение международной обстановки в его пользу. Обстановка на конгрессе самими участниками конгресса характеризовалась как «Warlike ground» (Кэстльри). По Европе широко распространялись слухи о сочувствии Александра национальным интересам французского и итальянского народов, что делало имя его популярным. Так, Александр совершенно отрицательно относился к кандидатуре Бурбонов на французский престол, которых выдвигала Англия. Это поведение Александра на конгрессе вызывало крайнее подозрение у английских дипломатов. Руководитель английской политики, лорд Кэстльри, ужасался симпатиями Александра к Парижу. Он пугал Александра гражданской войной, когда тот настаивал на плебисците, на праве нации самой выбрать своего правителя и не возражал даже против кандидатуры Наполеона в случае, если бы пал на него выбор нации. Кэстльри больше всего боялся сближения Франции с Россией.

В начале 1815 г. положение из-за спорного вопроса о Саксонии настолько обострилось, что взрыв казался неизбежным. Но... выступил Наполеон — и враждебные ему ряды вновь сомкнулись... В действие вступил Шомонский трактат (1 марта 1814 г.), плод многомесячных усилий лорда Кэстльри, специально с этой целью прибывшего на континент. В силу этого трактата четыре державы: Англия, Россия, Австрия и Пруссия — обязались общими усилиями продолжать войну и не заключать сепаратных соглашений¹⁸. Нужно полагать, что Турналю было прекрасно известно всё, что происходило на Венском конгрессе. По материалам доклада выясняется, что Турналь вел постоянную переписку с Венной, где у него были своя агентура и обширные знакомства вплоть до русского посольства.

Одесса как исходный и опорный пункт его деятельности в России была выбрана не случайно. Со времени утверждения здесь герцога Ришелье (с 1803 г.) как градоначальника

Одессы, её устроителя и генерал-губернатора Новороссийского края, Одесса стала новым центром французской деятельности на востоке. Тесняемая англичанами в Средиземном море, французская буржуазия искала выхода в развитии торговых связей с Россией на Чёрном море, на южном побережье.

Энергичную и весьма плодотворную деятельность Ришелье, французского подданного, нельзя рассматривать лишь как деятельность русского администратора. Ришелье действовал в такой же степени в интересах России, как и в интересах Франции. Принимая на себя звание правителя Одессы, Ришелье надеялся оказать услугу в своей стране. Об этой услуге он прямо говорит в одном из писем Талейрану¹⁹, в котором выражает благодарность за исключение его из списков эмигрантов и просит передать его письмо первому консулу. Наполеон разрешил Ришелье выезд в Россию при условии, что он останется французским подданным и при первом требовании возвратится во Францию. Нельзя упускать из внимания и то обстоятельство, что 25 июня 1802 г. Франция при содействии России заключила с Турцией договор, по которому она получила свободный выход в Чёрное море, т. е. новый торговый путь к южно-русским берегам.

Что назначение Ришелье в Одессу не было лишь частным делом Ришелье, следует уже из того, что Ришелье сопровождал к месту его новой службы атташе французской миссии Рейли, составивший затем описание своего путешествия по Черноморскому побережью юга России и Крыма²⁰. В предисловии к своей книге, обращённом к Наполеону, автор указывает на то, что это он, Наполеон, побудил автора совершить путешествие и содействовал затем публикации его труда.

Репутация Ришелье способствовала приливу колонистов и иностранцев в южную Россию. Здесь обосновались многочисленные и влиятельные французские торговые дома. Одним из первых переселенцев был купец из Марселя Сикар (Sicard), к которому у Турналя были специальные рекомендации.

В Одессу протягивались нити также и с Адриатического побережья. Турналь, по его словам, особенно рассчитывал на рекомендательное письмо от богатого помещика из Горичы гр. Сен-При к своему племяннику в Одессу. Племянник Сен-При был наиболее влиятельным лицом среди иностранной буржуазии Одессы. Он был первым председателем учреждённого, по ходатайству Ришелье, в Одессе 10 марта 1808 г. коммерческого суда, создание которого было одним из наиболее благоприятных моментов в развитии иностранной торговли с Одессой. Однако Одесса при Ришелье привлекала не только торговую и промышленную буржуазию, но и

¹⁷ «Lettre d'un Parisien», л. 4—4 об.

¹⁸ Webster G. (ed.). «British diplomacy 1813—1815. Select documents dealing with the reconstruction of Europe». London. 1921. (В настоящей статье использован ряд документов из этой публикации.)

¹⁹ От 11 февраля 1803 г.; опубликовано в книге Pingaud L. «Les français en Russie et les russes en France», p. 467—468. Paris. 1886.

²⁰ Reuilly «Voyage en Crimée et sur les bords de la mer Noire pendant l'année 1803». Paris. 1806.

культурные силы Франции: инженеров, архитекторов, естествоиспытателей, преподавателей и др. Если, таким образом, принять во внимание характер деятельности Ришелье в Одессе и его французский патриотизм, связи Одессы с французской и итальянской буржуазией, многочисленность здесь французской буржуазии, то попытка наполеоновского эмиссара, связанная с общим планом восстановления власти Наполеона, не покажется уже столь безрассудной. Восстановление власти Наполеона, при сочувствии и поддержке определённых кругов из России, отрицательно относящихся к английской политике, могло бы привести к сближению Франции с Россией, к признанию общности интересов.

В упоминавшемся выше «Историческом, статистическом и географическом журнале» в связи с откликом на бегство Наполеона с о. Эльба была дана уничтожающая критика политике Лондонского кабинета. Мы имеем в виду статью «Замечания о возвращении Наполеона во Францию. Письмо из Парижа»²¹, в которой совершенно определённо высказывается мысль, что от поражения Наполеона выиграет только Англия. Англия заинтересована в том, чтобы государства континента находились в ослабленном состоянии. «С выгодами Англии совсем несогласно допустить континентальной державе значительный перевес». На эту статью в том же журнале последовали «Возражения на замечания»²², которые в общем не опровергают прежний тезис об английской политике.

Англо-русские противоречия на Ближнем и Среднем Востоке оставались во всей своей силе и в период вызванного войной с Наполеоном сближения с Англией. Противоречия эти требовали от царского правительства определённых шагов к защите интересов империи. В особенности это следует сказать в связи с активностью англичан в Иране после заключения выгодного для России Гюлистанского мира (1813 г.). «Из всех европейских держав Англия чаще всех других старалась как можно больше сближаться с персидским правительством, и при неослабном о том понечении посредством многих деятельных агентов его, там употреблённых, она успела усилить своё влияние до такой степени, что оно распространяется на все части внутреннего управления», «Нужно остановить перевес английского влияния в Персии, ослабить оное неприметным образом и, наконец, вовсе истребить его»²³ — так инструктировал Ермолова Александр I, отправляя его с чрезвычайным посольством в Персию (1816 г.). Обращает на себя внимание тот факт, что Александр I тогда же передал Ермолову две записки, составленные для Наполеона главой его миссии в Персии (1807 г.) генералом Гарданом. Одна из них являлась проектом экспедиции в Индию. Александр

велел хранить эти записки с «величайшей осторожностью», он получил их «по особым связям с нынешним французским правительством»²⁴.

Памфлет Турналя («Lettre d'un Parisien») целиком направлен против политики Сен-Джемского кабинета как политики захватнической, корыстной, вероломной и провокационной. Автор обвиняет «гордых островитян» в проведении посредством интриги и разными секретными путями «чудовишной политики противодействия» росту и процветанию Франции, в возбуждении войн и беспорядков на континенте. Англичане, называя себя друзьями свободы, только и занимаются тем, что изготовляют цепи для континента. «Но это им не удастся. Клятвы, принесённые свободе, священной и вечной, ещё запечатлены во всех сердцах. Песни, которые ею вдохновлены, ещё дороги всем сердцам и не забыты»²⁵.

Автор рассматривает Европу после свержения Наполеона как «фабрику англичан», в которой действуют «коронованные марионетки», её приказчики. Турналь вооружается против принципа легитимизма (который был использован английской дипломатией в период наполеоновских войн), «проявляя сильное желание восстановить на зонах раньше занимавшие их старые династии, англичане хорошо понимают, что Англия при этом останется госпожей положения. Возможные претенденты из представителей старых династий настолько слабы, неспособны и невежественны, что всегда будут оставаться в подчинении и в абсолютной зависимости от Англии, которая заставит их действовать по собственному усмотрению и соответственно её интересам...»²⁶.

В «Заметках» прямо утверждается, что отношение англичан к пребыванию Наполеона на о. Эльба провокационно. Автор ссылается на существование у них «секретного плана», по которому пребывание Наполеона на острове заранее определяется в 6—8 месяцев и заранее предполагается перевести его в другое место под протекцию одних англичан. По показаниям Турналя, это было написано им приблизительно в декабре 1814 года.

Само собой разумеется, что в упомянутом выше отклике русского журнала характеристика легитимных правителей как «коронованных марионеток» не могла иметь места. В глазах русского автора — современника событий «100 дней» — Наполеон является «непримиримым врагом счастья и благоденствия народов»²⁷, а события «100 дней» «многим людям показались сверхъестественными»²⁸. Но, по мере того как переживания военного времени уходили в прошлое, отношение к поверженному врагу менялось. На сочувствие Наполеону недозволенных элементов русского общества, нужно думать, и рас-

²⁴ Приложения к V тому тех же «Актков» (стр. 957—963) — без имени автора.

²⁵ «Lettre d'un Parisien», л. 4 об.

²⁶ Там же, л. 15 об.

²⁷ «Исторический, статистический и географический журнал или современная история света», 1815 г., апрель, стр. 75.

²⁸ «Сын отечества», 1815 год. Ч. XXI, стр. 113.

²¹ «Исторический, статистический и географический журнал или современная история света», 1815, апрель, стр. 73—79.

²² Там же, 1815, май, стр. 151—155.

²³ Инструкция Александра I Ермолову от 29/VII 1816 года. «Акты Кавказской археографической комиссии». Т. VI. Ч. 2-я, стр. 122—127.

считывала наполеоновская агентура, направляясь в Россию.

«Письмо Парижанина» явилось основным документом обвинения по делу Турналя. Но, конечно, характер криминального документа в глазах царских властей оно получило не по причине критики английской политики, хотя бы и самой жестокой,—памфлет Турналя призывает к революции, к свержению тиранов. Он посвящён реабилитации и прославлению Наполеона прежде всего как защитника завоеваний революции против реакции феодализма, против бездарных легитимных правителей, монахов и священников. Положение Европы рисуется как канун взрыва. В противоположность своим правителям народы в настоящее время просвещённые. Растёт протест, и положение не может далее оставаться прежним. «Но я надеюсь услышать вскоре о счастливой перемене и о будущем, более благополучном. Всё мне это предсказывает; уже горизонт отягощает день за днём ненавистью и мщением, темнеет от низких страстей, необходима перемена. Глухой ропот, придавленная безнадежностью жалоба, состояние тревоги суть верные предвестники огромного взрыва. Так глухой шум природы, придушенный в лоне вулкана, предсказывает своим несчастным соседям ужасный взрыв. Он наступит вскоре, и чем более он будет силен и ужасен. Таким будет тот взрыв, какой мы скоро увидим».

Автор угрожает врагам народов: наступивший век произведёт достаточно железомстителя, «чтобы снабдить им каждого человека, чтобы вооружить им все народы, женщин, детей, даже стариков, чтобы доказать им (врагам), что народ, который крепко держится за свою свободу, не может её потерять...»²⁹. «К оружию! К оружию! Таковы требования, таковы чувства всех сердец». Автор всецело убеждён в приверженности народных масс к Наполеону. Только Наполеон может спасти Европу, установить порядок. Он восхваляет Наполеона как не превзойдённого никем организатора и полководца: Наполеон—«слава Франции».

Наполеон не захотел пожертвовать «вечным чувством национальной чести». Отечество есть самое основное,—говорит Турналь,—«без чего ни один человек не может жить и без чего до сих пор ни один француз не мог существовать»³¹.

Мысли о критическом положении Европы и взгляд на Наполеона как на единственное лицо, могущее и способное устоявить в ней порядок, уверенность в расположении народных масс к нему, любовь к отечеству и ненависть к английской политике—всё это мысли и чувства самого Наполеона. В изгнании, за о. св. Елены, они были выражены им особенно сильно: «он, Наполеон, «у всех на устах, у всех в воображении». Современное положение Франции не имеет примера в истории: столько несчастий, вражды и жестокости. «Вскоре такая же ярость овладеет

всей Европой. Вскоре Европа составит не что иное, как два враждебных лагеря; в них не будут разделяться по народам и территориям, но по партиям и мнениям»³².

«Письмо Парижанина», его страстный, негодующий тон и содержание произвели соответствующее впечатление на следователей по делу Турналя. Участь наполеоновского эmissара была решена.

Напрасно Турналь апеллировал к своим правам французского гражданина и указывал на незаконность применяемых к нему репрессий. Турналь защищался, стоя на строго формальной, юридической почве: он прибыл в Россию в то время, когда Россия и Франция находились в мире, не совершил и не мог совершить на русской почве никакого проступка, так как за время пребывания в России ни одной минуты не был на свободе. Что же касается его прошлой деятельности, то она не имела отношения к русскому правительству. Ещё в Одессе, когда Турналю был продлён срок карантина, он просил вернуть ему паспорт: если его личность внушает русским властям подозрение, то он предпочитает покинуть Россию и направиться в Бухарест.

Но агентов царского правительства не интересовала формально-юридическая сторона этого дела. До 15 декабря 1815 г. Турналь был заключён в Алексеевский рavelин. Затем его отправили в Архангельск, оттуда — в Кемь. Здесь Турналь находился 4 месяца на свободе, под присмотром только одного солдата. Затем его заковали в кандалы и отправили в Соловецкий монастырь, в тюрьму.

«Дело о Турнале» позволяет высказать предположение, что при осуществлении плана реставрации власти Наполеона были предприняты определённые практические шаги и в сторону России³³. Отъезд Турналя в Россию не был моментом только его личной биографии: он связан с последним возвращением Наполеона во Францию, т. е. с историей «100 дней». К сожалению, отсутствие материалов не позволяет полностью осветить этот интересный вопрос. С точки зрения исторического изучения, дело Турналя даёт только проблеск. Но этот проблеск помогает уловить очертания нового явления.

Мысль о существовании у Наполеона, в связи с возвращением его к власти, определённого плана в отношении России подкреп-

²⁹ De las Cases «Mémorial de Sainte Hélène». Т. 3, p. 151—152. Paris. 1840.

³⁰ Мысль о России занимала Наполеона. Для некоторого доказательства приведём один мало известный факт. В 1814 г. посетил о. Эльба бывший экстраординарный русский академик, ориенталист, неизвестный Юлий Клапрот (в 1811 г. он не вернулся в Россию из заграничной командировки). В поисках работы Клапрот попал на о. Эльба. Наполеон поручил ему редактировать издания об азиатских народах, обитающих на границах России. Landressa, M. «Notice historique et littéraire sur M. Klaproth». «Nouveau Journal Asiatique». Paris. 1835. Т. XVI, p. 243—273.

²⁹ «Lettre d'un Parisien», л. 12 об.

³⁰ Там же, л. 5.

³¹ Там же, л. 4.

ляется в некоторой степени ещё и другим фактом: развитием деятельности наполеоновской агентуры на обоих флангах — в Польше и на Ближнем Востоке. В нашем распоряжении имелись агентурные донесения русской политической полиции из Франкфурта на Майне. Они были отосланы при записке Барклая де Толли от 14 января 1816 г. к П. М. (очевидно, к Петру Михайловичу Волконскому, начальнику Главного штаба) для передачи в копиях Александру I³⁴. В донесениях даются (далеко не полный) перечень и характеристика наполеоновских эмиссаров, проследовавших через Франкфурт в Польшу в 1815 г., начиная с апреля. По словам донесения, это наиболее известные и опасные агенты Бонапарта, которых он раньше употреблял для выполнения самых своих вероломных проектов в заграничных странах.

Как объяснить эти путешествия? После второго отречения Наполеона (22 июня) каплю наполеоновской агентуры в Польшу можно было бы объяснить эмигрированием. Однако предположение об эмигрировании неприемлемо для первой половины 1815 г. для периода «100 дней». Прибытие эмиссаров в Польшу в это время, нужно полагать, вызывалось интересами политики Наполеона, направленной к укреплению связей между наполеоновской Францией и Польшей, в целях создания на этом фланге затруднений для России.

Такое же повышение активности наполеоновской агентуры в период возвращения Наполеона к власти наблюдалось и на другом фланге, т. е. в Турции, Иране и Закавказье. Самый известный и популярный на Востоке агент Наполеона, генерал Жобер, появился в Константинополе. Русский посол Италинский тотчас же информировал об этом главнокомандующего на Кавказе Ртищева, высказав предположение, что Жобер прислан в Константинополь с целью организовать диверсию против России³⁵. Хотя яычары и сняли, по приказанию султана, герб Наполеона, водружённый Жобером на здании французского посольства, тем не менее сам Жобер и не думал о возвращении к Наполеону: он занялся восстановлением связей со своими бывшими «восточными друзьями». По донесению Ртищева в Министерство иностранных дел³⁶, другой известный агент Наполеона, багдадский армянин Давид Цатуров, проживавший в Константинополе, направился в Иран о письмом султана. Турция искала сближения с Ираном для объединённых действий против России. Этого сближения всегда добивались по очереди как французская, так и английская агентура.

Иран прекратил выдачу пленных и усилил сношения о закавказскими феодалами. В соседних с Закавказьем турецких пашалыках «начались необыкновенные военные

приготовления», и Ртищев обратился в Петербург с просьбой о скорейшем укомплектовании полков³⁷. Трелизондский Сераскак Сеид Сулейман собрал на границе до 12 тыс. войск и запретил проход русских судов с провиантом в устье Риона. «Блуждающие по Турции французские офицеры» тогда же возобновили и усилили укрепления Поты³⁸. Тогда же Сеид Мамед Эфендий, известный царскому правительству своими связями с мятежными горцами, был назначен главнокомандующим в Анапу. Образ действий самого могущественного турецкого феодала, эзерумского сераскира Сеид Баба Ибрагима Паши (Пехлевана), стал совершенно угрожающим. В его распоряжении была 20-тысячная, хорошо организованная армия. Наказав ахалцихского пашу за связи с Россией (голова паши отослала султану), Баба паша обратился к Ртищеву с требованием возвратить Имеретию, Мингрелию, Гурию и Абхазию, якобы уступленные Турции по Бухарестскому миру³⁹.

В ожидании войны Порты с Россией горцы участвовали враждебные выступления за Кубанью, в Чечне, в Дагестане. Черкесская депутация от всех горских народов была принята султаном. Она просила о помощи против России.

Слух о возвращении Наполеона к власти прокатился эхом по всему Закавказью. «Побег Бонапарте и переворот им сделанный в делах Европы произвёл и в здешнем краю немаловажное влияние», — доносил Ртищев⁴⁰. Нам известны возвания царевича Александра, обращённые тогда же к грузинам с призывом поднять оружие. Этот младший сын Ираклия, обосновавшийся после неудач 1812 г. в Дагестане, у анугских лезгин, пользовался среди них необычайным авторитетом. Он объединял всю антирусскую оппозицию, имел непрерывные связи с Ираном, а также с Портой и получал субсидии от «великих держав». Недаром легенда превратила царевича Александра в отца Шамиля.

Противоречия между союзниками, как и затруднения, создававшиеся для России на флангах, могли бы вновь быть использованы французской дипломатией для сближения с правительством Александра, для заключения подобия Тильзитского мира.

Разве такой шаг к сближению не был сделан Наполеоном, когда, возвратившись в Париж, он тотчас же направил в Вену к Александру I курьера с экземпляром найденного им в Париже тайного англо-франко-австрий-

³⁷ Отношение управляющего Министерством иностранных дел И. А. Вейдемейера управляющему Военным министерством А. И. Горчакову от 4/VII 1815 г. и донесения Ртищева, опубликованные в «Актах». ЦГВИА, ф. ВУА, д. № 570, л. 241.

³⁸ ЦГВИА, ф. ВУА, д. № 18497. Рукопись капитана Энегольма «Краткое обозрение Имеретии, Гурии, Мингрелии и Абхазии». 1819.

³⁹ Перевод письма Баба паши Пехлевана Ртищеву от 28/VI 1815 г. (дата получения). ЦГВИА, ф. ВУА, д. 570, лл. 284—285.

⁴⁰ Упомянутое выше донесение от 10/VI.

³⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, д. № 575, лл. 1—16 об.

³⁵ Письмо от 16 (28) июня 1815 года. «Акты Кавказской археографической комиссии». Т. V, стр. 824.

³⁶ Письмо от 10 (22) июня, там же, стр. 819—824.

ского договора 3 января 1815 г., заключённого для противодействия России?

Если же соглашение дипломатическим путём оказалось бы невозможным, то не предполагался ли в планах Наполеона и другой путь—путь переворота? Несомненно, Наполеоном и его агентурой учитывались тяжёлое внутреннее положение России и всеобщее недовольство существующими порядками. Ряд соображений говорит за то, что поездка Турналя в Россию не была его частным делом. Турналь был лицом хотя и не столь видным, но столь же преданным Наполеону, как Евгений Богарне и Бертран. Турналь являлся лицом, активно действовавшим в пользу Наполеона в Италии перед событиями «100 дней», лицом, имевшим огромное количество связей со сторонниками Наполеона среди итальянцев, греков и славян. Он жил 2½ месяца на о. Эльба. На допросе Турналь сделал попытку скрыть факт своего пребывания на о. Эльба. Если Турналь отправился в Одессу, как он говорит, в поисках заработка и спокойной частной жизни, то почему же он выбрал для отъезда такой неблагоприятный момент? Ведь ему было отказано в визе русского представителя в Константинополе. Зачем нужно было встречаться в Константинополе с целым рядом лиц, особенно преданных Наполеону (Руффен, Паллеолог, Папоригопуло и др.), бывать на их собраниях? С какой целью привёз Турналь в Константинополь несколько сот гравюр-портретов Наполеона? Зачем взял с собой в Россию гравировальную доску, с которой были отпечатаны эти портреты? Его объяснения на этот счёт слишком наивны, чтобы им можно было верить.

Наконец, жестокая расправа с Турналем Александра I, слышавшего в ту пору либералом и «протектором французской нации» (Кэстльри), свидетельствует о том, что мы имеем здесь дело с большим и серьёзным замыслом, а не только с действиями частного лица.

Что же произошло с Турналем в дальнейшем? С 16 мая 1816 г. Турналь находился в заточении в тюрьме Соловецкого монастыря. Тщетно требовал он суда и свободы, взывал к гуманности. Через три года он обратился к самому императору. В заявлении—мольбе о свободе, обращённом к Александру I⁴¹, Турналь апеллирует не только к чувству законности у русского монарха, но и к его человечности. Он прибегает даже к стихам, восхваляя доблести Александра. Турналь писал, что его поместили сначала в секретной тюрьме, через 9 месяцев перевели в лучшее помещение, но ненадолго, вскоре он был переведён к уголовным, в каземат площадью в 6 квадратных аршин. На своё содержание он получал всего 13 коп. в день, между тем как в связи с недостатком продовольствия чёрный хлеб там стоил 6 коп. фунт, а солёное мясо—15 копеек. Ему

известно, однако, что, по положению, он должен получать по 1 руб. в сутки, как получают военнопленные.

По распоряжению архимандрита Паисия (повидимому, судя по званию, игумена монастыря), у него отняли матрац, одеяло, подушку, отказывают в получении одежды, белья и обуви и других предметов, которые ежегодно выдают даже уголовным—убийцам.

Расправа с Турналем, несомненно, вызвана не только соображениями безопасности деспотическо-монархического правления в России, но и чувством мелкой мстительности Александра, лично задетого характеристиками Турналя. «В самом деле, говорит Турналь в своих «Заметках»,—если внимательно рассмотреть личный состав коронованных голов, будь то России, Австрии, Пруссии, Франции, Пьемонта, Испании, не увидишь никого, кроме как людей без способностей, без характера, без энергии, без талантов военных или административных и в особенности без плана и решительности, которые все хотят царствовать и управлять, но которые не знают первых элементов этой науки, столь трудной, особенно со времени Французской революции»⁴².

Одновременно с письмом к царю Турналь тогда же, 19 августа 1819 г., написал и князю А. Н. Голицыну, обер-прокурору Синода⁴³. Он жаловался на незаконность расправы с ним и просил у Голицына помощи. Турналь напоминает о его доблестных подвигах Василии и Михаиле Голицыных (Турналь был знаком с русской историей)—это даёт ему надежду на исполнение его просьбы. Он просит передать его прошение императору.

25 августа Турналь написал также и французскому послу⁴⁴. Он уже обращался к послу в 1817 и 1818 гг., но безрезультатно. Не допуская мысли, чтобы представитель Франции не имел значения и влияния в России и отказавшись принять меры для восстановления справедливости, он предлагает послу обратиться к русским властям с требованием освободить его.

Того же 25 августа Турналем было написано ещё одно письмо—к своему соотечественнику Дюрану, обосновавшемуся в Петербурге⁴⁵.

Из записки Турналя, предназначавшейся штаб-лекарию Бауму⁴⁶, мы узнаём, что у Турналя в тюрьме нашлись и доброжелатели. Турналь умоляет Баума заадресовать его письма и отправить их по назначению. Он не знает Баума лично, но обращается к нему как к гуманному соотечественнику. До сих пор его письма «злые передатчики» не передавали Бауму. Он просит писать ему теперь на имя отца Савватия, помощника настоятеля монастыря, человека порядочного, сострадательного и верного.

⁴¹ От 19 августа 1819 г.; в этом же деле № 565 — в 4 экземплярах: в целях гарантии передачи оно было послано разным лицам. На прощении не имеется никаких признаков прочтения его Александром.

⁴² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 565, л. 15 об.

⁴³ Там же, лл. 76—77.

⁴⁴ Там же, лл. 72—73.

⁴⁵ Там же, лл. 80—81.

⁴⁶ Там же, лл. 68—69 об.

Письма Турналя были доставлены на сушу. Об этом свидетельствует следующая справка: «Соловецкой инвалидной команды рядовой Викул Кокорев отправлен был на соловецком судне для излечения болезни в сухопутную госпиталь⁴⁷ сего августа 27 числа, который привёз с собой письма от содержащихся в монастыре арестантов, от придворного к г. военному губернатору, а от француза к штаб-лекарю Бауму⁴⁸. (Неизвестный нам «придворный» и знакомый нам «француз», как особенно секретные арестанты, утеряли свои имена.)

Из справок не видно, как были обнаружены письма: были ли они перехвачены или Кокорев сам передал их по начальству. Ясно только одно, что они не были доставлены по назначению, иначе они не попали бы в папку с бумагами о Турнале.

Бот, однако, новый факт, потребовавший расследования. В 1825 г. в Петербурге, в типографии ведомства народного просвещения, вышла небольшая брошюра (15 страниц) «Conseils sur la Prosodie ou Précéptes de lecture pour la langue française». Автор: N. A. Tournal de Paris. Разрешение к печати датировано 4 июня 1825 г.; цензор — Charles de Pol⁴⁹. Брошюра является собранием правил выразительного чтения. Пользуясь стихотворной формой, автор пропагандирует культуру чтения; желание его очень скромное: быть несколько полезным русской молодежи, изучающей французский язык, — язык лучших авторов-классиков, язык дипломатов.

Содержание брошюры аполитично. Попытка прочесть что-нибудь между строк нам ничего не дала. Однако дидактический характер брошюры, патриотизм, стихотворная форма невольно заставляли предположить, что автор её N. A. Tournal de Paris и известный нам Николай-Август Турналь, эмиссар Наполеона по славянским делам, — одно и то же лицо.

Но каким же образом смог Турналь, будучи секретным арестантом, опубликовать свой труд под своим настоящим именем?

Дальнейшие поиски принесли ответ: Турналь получил свободу. Но он не сохранил её. В делах канцелярии дежурного генерала Главного штаба Е. И. В. за вторую половину 1825 г. имеется дело о Турнале и поручике лейб-гвардии драгунского полка Мельгунове⁵⁰.

Дело открывается собственноручной запиской начальника Главного штаба Дибича, датированной 3 августа (№ 201): «Хотя

⁴⁷ Здесь между строк сверху вставлена карандашом дата: 1819.

⁴⁸ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 565, л. 84. Документ не имеет ни штампа, ни обращения, ни подписи, написан на клочке голубой бумаги. Подчёркнуты карандашом слова: Соловецкой инвалидной команды рядовой Кокорев, письма арестантов, француза, Бауму.

⁴⁹ Мы пользовались экземпляром библиотеки Генерального штаба, имеется в Государственной публичной библиотеке имени Ленина.

⁵⁰ ЦГВИА, ф. 36, оп. 3/847-я, св. 9, д. № 38, 1825 г. «О французском подданном Турнели (?) и лейб-гвардии драгунского полка поручике Мельгунове», на 56 листах.

французу Турналю разрешён был выезд за границу по высочайшему повелению — остановить оный впредь до дальнейшего разрешения. Г.-ад. Дибич. О сем по секрету дать знать г.р. Милорадовичу». 4 августа была отправлена из Главного штаба новая записка (№ 203, имеется в копии): «Секретно. Милорадовичу. По поручению г. н. Г. ш. е. и. в. имею честь донести вашему превосходительству, что государь император высочайше повелеть изволил — отпустить все бумаги иностранца Турналя, доставить оные к г-ну начальнику штаба». 5 августа был арестован и препровождён в Петропавловскую крепость поручик лейб-гвардии драгунского полка Мельгунов, с которым Турналь в течение последних 3 месяцев был неразлучен. Среди книг, описанных у Мельгунова, упоминается и произведение Турналя «Conseils sur la Prosodie ou Précéptes pour la langue française» в количестве 9 экземпляров. Как же попал Турналь в Петербург в общество гвардейских офицеров и кто такой был Мельгунов?

Турналь прибыл в Петербург из Оренбурга в начале мая 1825 г., как удалось установить по спискам иностранцев, состоявших по высочайшему повелению или распоряжению полиции под секретным полицейским надзором⁵¹. В июне Турналь встретился на Невском проспекте со своим прежним знакомым по Оренбургу поручиком лейб-гвардии драгунского полка Мельгуновым, старшим адъютантом Сибирского отдельного корпуса.

Сын богатой помещицы, Мельгунов⁵² с января 1825 г. находился в отпуску и, побывав в Москве у своих родных, прибыл в Петербург хлопотать о переводе из Сибири в полк, так как якобы расстроенные хозяйственные дела не позволяли ему более оставаться в Омске⁵³. Дружба с иностранцем, бывшим ссыльным, и вольнодумство Мельгунова подали повод к анонимному доносу в Главный штаб. По словам автора доноса, правитель-

⁵¹ ЦГВИА, ф. 36, оп. 3/847-я, св. 5, д. № 20, 1823—1826 г. «По отношениям с-петерб. воен. ген.-губернатора о приложением списков иностранцев».

Ежемесячно или даже и два раза в месяц петербургский военный генерал-губернатор представлял такие списки начальнику Главного штаба.

⁵² Во время войны 1812 г. две деревни Мельгуновой были разорены, два дома и библиотека сгорели. Вскоре после этого было также утеряно и родовое имение в 8 тыс. душ, переданное двоюродной сестрой Мельгунова своему племяннику по мужу кн. Петру Михайловичу Волконскому. Мельгунов считал этот акт противозаконным. В описываемый период имения Мельгуновой находились в пяти губерниях.

⁵³ Сведения из биографии Мельгунова даются на основании двух его писем: от 8 августа из крепости дежурному генералу Главного штаба Потопову и от 7 апреля 1826 г. Дибичу из имения своей матери, с. Ожарово, Мышкинск. у., Яросл. губ.; ЦГВИА, ф. 36, оп. 3/847, св. 9, д. № 38, 1825 г., лл. 14—20 об., 44—48.

ству абсолютно необходимо знать о беспорядочном и опасном поведении Мельгунова, так как Мельгунов и Турналь находятся в постоянном общении с офицерами гвардейской кавалерии⁶⁴. Мельгунов презирает правительство, религию, нравы и всё то, что должно быть священным для людей. Он часто допускает надругательства над церквями и святыми иконами... «Он опасен политически, так как обближается с крестьянами, домашней прислугой и другими тёмными людьми и проповедует им равенство и непослушание».

В доносе рассказывалось о дружбе Мельгунова с Турналем (автор ошибочно называет Dougnald) как о дружбе чрезвычайно тесной, исключительной. Они все дни вместе. «Мельгунов ему (т. е. Турналю) поёт и переводит всё, что было сочинено наиболее низкого против правительства». Очень часто они ездят вместе в Гатчину и другие места, где расположены кавалерийские гвардейские части.

Сам Мельгунов довольно подробно рассказал о своём знакомстве с Турналем в письме из крепости дежурному генералу Главного штаба Потапову⁶⁵.

Турналь, по словам Мельгунова, в момент первой встречи с ним находился уже несколько лет в Оренбурге и занимался преподаванием французского языка в семье генерал-майора Жемчужникова⁶⁶. Несомненно, уже здесь, в поисках заработка, он составил овои «*Conseils*», которые сумел издать по приезде в Петербург. Несомненно, в Петербурге у него были знакомства и связи, благодаря которым его труд так быстро вышел в свет⁶⁷. Об этом свидетельствует и помещение стихотворения Турналя в журнале, названия которого Мельгунов не запомнил. Несомненно, что и у Мельгунова были какие-то связи в журнальном мире, потому что ему удалось вручить Гречу 10 экземпляров «*Conseils*».

Приказом Александра I (18 августа) Мельгунов был исключён со службы, 23 августа сдан в Главный штаб⁶⁸ и в тот же день отправлен с фельдшерем в своё имение в Ярославской губернии, под строжайший надзор полиции, без права выезда куда бы то ни было.

Из того, что Мельгунову пришлось объяснять и оправдывать своё знакомство с Турналем не только в момент ареста, но и в дальнейшем, ясно видно, что в глазах правительства Турналь продолжал быть опасной фигурой.

⁶⁴ «*Note secrète*». Там же, лл. 22 и 22 об.

⁶⁵ От 5 августа 1825 г., там же, лл. 18 об., 20.

⁶⁶ Точная дата неизвестна. Встреча произошла между августом 1822 и январем 1825 года, это даты назначения Мельгунова в Омск и отъезда его оттуда в Москву.

⁶⁷ Это издание упомянуто в «Библиографических листах», издававшихся П. И. Келпеном, в № 20 от 30/VII 1825 года.

⁶⁸ Рапорт коменданта Петропавловской крепости Сукина Александру I, № 458 от 23 августа 1825 г., ЦГВИА, ф. 36, оп. 3/847, д. № 38, 1825 г., л. 28.

«Что касается до французского подданного Турналя,— писал Мельгунов Дибичу весной 1826 г.— то он бывал у меня, и я пригласил его единственно для практики французского языка, не зная, что он мог мне сделать столько вреда. Я его считал ничтожным человеком и бедным, который был без обеда». Эти слова: «мог мне сделать столько вреда» — требуют дополнительных разъяснений: какой вред здесь подразумевался?

На основании материалов дела о Турнале, как и на основании списка книг в библиотечке Мельгунова, трудно составить более определённое представление о политических взглядах последнего. Его прошлое, как и ближайшее будущее, сведения о котором имеются, свидетельствуют, однако, о том, что он был устойчивым вольнодумцем и беспокойным элементом⁶⁹.

В прошлом у Мельгунова — участие в войне 1812 г. и зарубежных походах, дуэль (стрелялись 7 раз), нелады с полковым командиром, обиды за отсутствие повышения, дважды уход в отставку, наконец, перевод, состоявшийся 4 августа 1822 г., из гвардейского драгунского полка, по собственной просьбе, старшим адъютантом Сибирского отдельного корпуса.

Теперь, из деревни, Мельгунов вновь, осенью 1826 г., просил Дибича об определении на службу. Приказом от 25 ноября 1826 г. Мельгунов был определён в Нижегородский драгунский полк и отправился на Кавказ, к Ермолову. В 1828 г. главнокомандующий Отдельным Кавказским корпусом Паскевич представил об исключении Мельгунова из службы, так как «он вместо того, чтобы восчувствовать монаршее к нему милосердие и отличить себя безукоризненным поведением — вынудил полкового командира неуместными в продолжение персидской войны поступками своими отправить его из действующих эскадронов в запасной и что, несмотря на то, Мельгунов нимало не переменил своего поведения, обнаруживая прежнюю нескромность в образе мыслей и в разговорах»⁷⁰.

Представление Паскевича было удовлетворено, и Николай I позвлек Мельгунову «жить в своих деревнях по его избранию». Мельгунов поселился в сельце Степанове, Дмитровского уезда, Московской губернии⁷¹. На поданную в 1831 г. всеподданнейшую просьбу матери Мельгунова о прощении сына «высочайшего соизволения не последовало».

⁶⁹ 7 апреля 1826 г., л. 46 об.

⁷⁰ В его библиотечке имелись: томик Вольтера, «Новая Элоиза» Руссо, «Воспоминания» Раевского, некролог Уварова, мемуары маркиза Laroche Jaquelin, анонимный труд, посвящённый тамплиерам, «На сооружение памятника Ломоносову» и пр.

⁷¹ ЦГВИА, ф. ВУА, лл. 53—54 об. «Выписка из дела об отставленном из Нижегородского драгунского полка Мельгунове».

⁷² Там же, лл. 55 и 56 об. Отношение Бенкендорфа Потапову от 23 ноября 1831 г. Отношение Потапова Бенкендорфу от 29 ноября 1831 года.

Иначе сложилась в дальнейшем судьба Турналя; 25 августа 1825 г. генерал Потапов возвратил петербургскому военному генерал-губернатору Милорадовичу опечатанные бумаги Турналя и конверт с вложенной в него цятирублевой ассигнацией, принадлежавшей Турналю, и уведомил о том, что Турналю разрешено отправиться за границу, «если ваше сиятельство не изволите находить к тому препятствия»⁶³.

Повидимому, Милорадович таких препятствий не находил. В списках иностранцев, представлявшихся от него Дибичу за 15 и 28 мая, 16 июня, 10 и 19 июля, Турналь получал неизменную отметку: «Ведёт себя скромно». В списке от 11 августа, т. е. уже после того, как разрешение на выезд было приостановлено и бумаги Турналя были опечатаны и пересланы Дибичу, о Турнале сказано: «Имел намерение заниматься отправлением тяжёлых купеческих дел, но отложил оное и желает ныне отправиться во Францию»⁶⁴. Нельзя сказать, чтобы агент полиции, наблюдавший за поведением Турналя, проявил особую осведомлённость. В списке от 25 августа вместе с некоторыми другими иностранцами «Николай Турналь, бывший адвокат» получил прежнюю положительную отметку: «Иностранцы эти по донесению полиции ведут себя скромно, и занятия их те же самые, о каковых показано в ведомости пред сим представленной»⁶⁵. В списке от 14 сентября о Турнале имеется отметка: «Выдан паспорт на выезд за границу»⁶⁶. За октябрь и декабрь месяцы списки не представлялись; в ноябрьском, январском и февральском списках имя Турналя отсутствует.

11 сентября из кабинета Александра I Турналю были переданы через Потапова 100 червонных на дорогу⁶⁷. Итак, гражданская власть не препятствовала, а верховная содействовала отъезду Турналя за границу. В деле имеется письмо Турналя Дибичу, датированное 23 октября⁶⁸. Письмо исполнено чувств благодарности, так как единственно Дибичу автор письма, по его словам, обязан предстоящим ему счастьем возвращенья на родину и свидания со своей семьёй и друзьями.

Но почему же Турналь так медлил насладиться этим счастьем? Ведь прошло уже два месяца со времени получения нового разрешения (25 августа) и больше месяца со дня получения денег и паспорта (11 и 14 сентября). Что удерживало Турналя? Ответа на этот вопрос нет.

Прошло ещё два месяца. Наступил 1826 год. Под верховным председательством Ни-

колая I начался процесс декабристов. Следователями затребовано дело Турналя 1815 года. На документах имеются знаки царского просмотра — обычная помета Николая I: «...», на некоторых документах даже в тройном виде: «...». О Турнале наводят справки. В деле сохранилось ответное откошение канцелярии дежурного генерала Главного штаба⁶⁹ на имя Бибикова⁷⁰, в котором сообщается о составе инвалидной команды, несущей караул в тюрьме Соловецкого монастыря, и о сроках пребывания её там⁷¹.

Справка была представлена Дибичу при записке на бумаге с траурной каймой: «Вашему превосходительству благоугодно было приказать взять справку, каковая инвалидная команда при Соловецком монастыре находится, таковая справка здесь прилагается»⁷². На документе рукой Дибича характерным неразборчивым почерком помечено: «Хран. всегда в Штабе». Рукой Николая I карандашом, в левом верхнем углу поставлено: «вв» (не значит ли это: весьма важно?) и знак «...». Документ вообще весь испещрён пометами, и это свидетельствует о том, что о Турнале возникло какое-то новое дело. Помета на докладной записке Балашова (от 21 июня 1815 г.): «Послать к делу Турналя» — также, несомненно, нового происхождения, так как в 1815 г. всё дело о Турнале находилось в руках Балашова и отсылать его записку было некуда.

В опубликованных материалах о декабристах никаких упоминаний о Турнале мы не обнаружили, как и в делах Главного штаба, где хранились некоторые дополнительные материалы, собиравшиеся в связи с делом декабристов. Требуется продолжение розысков.

Какие же нити протянулись от процесса декабристов к делу Турналя? В силу какой ассоциации обратилось к нему высочайшее внимание? Вряд ли поиски истоков движения, поиски «революционного духа» привели следователей к делу Турналя, хотя опросные пункты в делах о декабристах и свидетельствуют о поисках подобного рода. Ведь за «революционный дух» Турналь уже пострадал, был прощён и получил разрешение на выезд во Францию. Если же более конкретные факты связали дело Турналя 1826 г. с делом декабристов, то что это за факты? Наши документы не дают на это ответа. Дело о Турнале заканчивается справкой о тюремной охране в Соловецком монастыре. Дальнейшая участь эмиссара Наполеона по славянским делам Николая-Августа Турналя неизвестна.

⁶³ Копия рапорта от 25 августа 1825 г., д. № 38, 1825 г., лл. 32—32 об.

⁶⁴ ЦГВИА, ф. 36, оп. 3/847, д. № 20, 1825—1826 г., л. 233.

⁶⁵ Там же, л. 236.

⁶⁶ Там же, л. 239.

⁶⁷ Дело № 38, 1825 г., л. 28. На сопроводительной записке имеется расписка Турналя о получении денег и выражение его благодарности.

⁶⁸ Там же, л. 37.

⁶⁹ От 11 марта 1826 г. за подписью правителя канцелярии Наинского.

⁷⁰ Директора канцелярии начальника Главного штаба — заадресовано: «Его высокоблагородию Илариону Михайловичу».

⁷¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 565, 1815—1826 г., л. 85—85 об.

⁷² Там же, л. 86. Записка не имеет ни обращения, ни даты, ни подписи, написана рукой старшего адъютанта Бердерского.